

Н.В. Плужников

НАСЛЕДНИКИ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ СОВХОЗОВ

(заметки о современном арктическом оленеводстве России)

Современная жизнь малочисленных народов российского Севера и Сибири в последнее время привлекает внимание многочисленных этнологов, географов и экономистов – как отечественных, так и зарубежных, поскольку современный экономический кризис в России вскрыл определенные экономические, социальные, демографические и прочие процессы в этих «малых» обществах и породил новые¹. Сейчас такие «малые» общества, существуя в определенной, хотя бы географической автономии, характерной для государственных окраин, испытывают крайне болезненную реакцию на этот кризис. Эта реакция нередко окрашена (или украшена) различными приоритетами (или претензиями) той или иной традиционной культуры. Об украшениях и претензиях речь идет в том случае, когда та или иная традиционная культура, известная по описаниям конца 19 – начала 20 вв., в определенных местах реально уже перестала существовать, но продолжает жить или внедряется в уמוнастроения людей как миф, требующий воплощения. Упомянутые приоритеты проявились в идее «традиционного природопользования». Чтобы провести эту идею в жизнь национальных окраин, в местных административных органах ведутся бесконечные дискуссии о приоритетах традиционного природопользования среди других видов деятельности местного населения, территориях традиционного природопользования и прочих предметах, к которым приложима идея традиционного природопользования.

Современное оленеводство в России, равно как и другие виды традиционного жизнеобеспечения населения Крайнего Севера России (морзверобойный, пушной промысел, рыболовство и т.д.), за минувшее столетие испытало множество общих и локальных трансформаций. Отчетливо выделяются три общие трансформации в оленеводстве, которые вызваны внешними социально-экономическими причинами. Первая – переход от локально-этнического вида природопользования и жизнеобеспечения к государственной отрасли сельского хозяйства в связи с установлением на Севере советской власти и коллективизацией. Вторая трансформация произошла в 1960-е гг., когда колхозная система советских сельскохозяйственных структур окончательно получила централизованное воплощение и перешла на уровень государственного бюджета и планирования (т.е. колхозы стали совхозами). Третья трансформация – переход от государственной отрасли сельского хозяйства к форме жизнеобеспечения на основе стихийно-рыночных отношений и мелких государственных дотаций. Эта трансформация была вызвана перестройкой, и настоящая статья посвящена современным проблемам в оленеводстве, проявившимся в постсовет-

Оленеводство, затрагивающее зону тундры, при всем разнообразии форм подчинено нескольким основным принципам ведения такого рода хозяйства. Главный из них – сезонные перемещения стад по достаточно протяженным маршрутам (от 100 до 1000 км) в меридианальном направлении. Эти перемещения обусловлены природными факторами существования северного оленя, главным образом, в виде кровососущих насекомых и сезонных пастбищ. В советский период маршруты миграций домашнего оленя претерпели существенные изменения (особенно на северо-востоке) в связи с научным землеустройством и привязкой этих маршрутов к стационарным хозяйственным центрам. В локально-этнических культурах российских оленеводов сезонные перемещения домашнего оленя и дикого были в основном схожи (см. ниже).

В оленеводстве постсоветский период интересен тем, что, с одной стороны, он наследует опыт советского периода (с сохранением прежних территориально-хозяйственных границ), а с другой – вынуждает оленеводческие объединения к автономному существованию, которое лишь отчасти напоминает период локально-этнического природопользования. Важное отличие состоит в том, что в большинстве оленеводческих хозяйств, которые в постсоветский период получили статус частных, опыт автономного существования складывается различным образом, а социальная основа такого существования в советский период в большинстве регионов циркумполярного Севера была разрушена.

Общие принципы ведения хозяйства и общая направленность трех вышеуказанных трансформаций позволяют рассматривать современное оленеводство в циркумполярной зоне России как единое явление при массе локальных различий. Эта позиция дает возможность представить современную картину жизнеобеспечения аборигенных народов циркумполярного Севера, реанимирующих традиционные навыки природопользования.

Предлагаемая статья посвящена двум разным оленеводческим регионам – Таймыру и Чукотке². Эти два региона не соседствуют друг с другом, и в них живут различные народы с разной традиционной культурой оленеводства. Поэтому изначально столь разный локальный материал тем не менее может ярко выявить общие проблемы в оленеводстве современного и позднего советского периода. В настоящее время уже собрано немало материала по современному оленеводству как средству жизнеобеспечения и образу жизни, но пока он имеет в основном описательный и иллюстративный характер и относится к тому или иному региону. Наша работа является попыткой ввести подобный материал в более широкий научный дискурс, представить его не только в виде определенной данности, но и как результат определенных причинно-следственных цепочек, возникших с установления

советской власти и коллективизации. Таким образом, материал оказывается включенным в исторический процесс, одним из главных качеств которого является необратимость, что позволяет более трезво оценивать сложную и зачастую печальную обстановку на российском Севере.

В последние столетия оленеводство было распространено по всему Крайнему Северу России. При наличии этнических культур с различным происхождением и различным опытом существования в тундровой зоне распространение оленеводства было тождественно пусть разреженной, но непрерывной полосе расселения обитателей Крайнего Севера России. Исключением в этом обширном ареале обитания кочевников были немногочисленные поселки на северо-восточном побережье Евразии, а также в устьях крупных рек, жители которых занимались рыболовством и морзверобойным промыслом.

В 1970-е гг. эта полоса получила разрыв в тундрах центрального Таймыра, где кочевое население перешло к оседлому существованию на охотничьих точках по берегам рек, занимаясь охотой на дикого оленя и рыболовством. В настоящее время из-за транспортных проблем большинство этих точек опустело, охотники со своими семьями перебрались в национальные поселки Усть-Авам и Волочанка. Вокруг них в радиусе 50 км охотничьи-ми избушками еще пользуются, но, по большей части, сезонным образом (ПМА, 1999), как правило, дальше 120 км от поселка население не отходит. Никаких альтернативных возможностей жизнеобеспечения, кроме традиционных охоты на дикого оленя и рыболовства, местному населению предложено не было. Поэтому возрождение оленеводства на центральном Таймыре оказывается очень актуальным: при весьма слабой государственной поддержке в жизнеобеспечении жителям центрального Таймыра остается только активизировать традиционные навыки автономного существования. Деградация оленеводства в этих местах и отказ от него вызваны мощным ростом местной популяции дикого оленя. Сравнительно недавно ненецкие оленеводы, кочевавшие, в основном, слева от Енисея, перестали переходить на его правый (восточный) берег, с которого начинается Таймыр, из опасения потерять свои стада от столкновения с дикими оленями (ПМА, 1999). Еще в 1970-х гг. в этой западной части полуострова дикого оленя было немного по сравнению с центральной и восточной областями³. Вероятно, дикий олень изменил маршруты сезонных миграций и частично места обитания в результате его массированного промысла, который начался после отказа региональной администрации от оленеводства в центральных тундрах (1969 г.), но первые неожиданные перемены в осенних маршрутах дикого оленя случились в 1967 г.⁴ Немалое влияние на принятие этого судьбоносного решения оказала отечественная сельскохозяйственная наука того времени. Сейчас для охоты на дикого оленя пока вполне достаточно оседлого существования в национальных поселках. Однако

эта ситуация весьма неустойчива, поскольку дикий олень может легко изменить маршруты миграций (как это не раз случалось в советское время, хотя у нганасан традиционные места переправ дикого оленя были определены очень конкретно и, по их уверениям, не менялись⁵) и оказаться вне досягаемости поселковых охотников. В таком случае основным продуктом питания становится рыба, которая в короткие экстремальные периоды может спасти жителей поселков от голода, но не способна уберечь поселки от экономического упадка из-за сурового климата (лесотундра) и отсутствия в этом случае стимула к товарообмену (который необходим для оседлого выживания в этих широтах при потере государственного патронажа). – Объем вылова местной рыбы недостаточен для экспорта куда-либо ввиду чрезвычайно высоких затрат на транспортировку. К этому добавляются технические трудности ее сохранения в свежем виде.

Для традиционного жизнеобеспечения при нынешней государственной экономической политике в этом регионе необходим кочевой образ жизни и решение собственными силами проблемы снабжения необходимыми товарами, с помощью собственного транспорта. Зависимость от механических транспортных средств (снегоходов и моторных лодок с их запчастями и топливом) усугубляется характерным для современного экономического кризиса осложнением системы снабжения этих далеких поселков. Теперь эта система снабжения в большей степени подчинена частным стихийно-рыночным интересам, нежели прежней государственной политике. Одна из насущных проблем снабжения таких поселков – обеспечение углем, которое происходит один раз в год летом по реке на грузовой барже. Так, в 1998 г. в пос. Усть-Авам завезли только пять тонн угля вместо обычных десяти. Один из местных одиноких стариков, бывший оленевод, рассказывал, что угля у него хватило до февраля, после чего он, собрав свои нехитрые пожитки, отправился в свою охотничью избушку за 25 км от поселка, где дрова росли в избытке (полоса лесотундры), поскольку вокруг поселка деревья давно уже были вырублены (ПМА, 1999). К проблеме снабжения углем в таких поселках добавляется проблема ремонта существующих строений, при том, что в циркумполярном климате срок эксплуатации построек снижается чуть ли не в два раза по сравнению со средней полосой России. В постсоветский период эта проблема стала решаться частным образом, и ремонт стоит очень дорого. При нынешнем общем обнищании местного населения понятно, что едва ли возможно исправно содержать свою часть дома (дома стандартного типа на четыре независимых семьи), а если это возможно, то в вышеназванных поселках такой ремонт могут позволить себе лишь немногие.

Попытка возрождения оленеводства в Усть-Авамской тундре в начале 1990-х гг. представляла типичную неудачу от плохой осведомленности в оленеводстве местной ад-

министрации, занимавшейся решением данной проблемы: в эти места перебросили на самолете из Потаповского хозяйства (юго-запад Таймыра, граница леса и лесотундры, а также близкое устье Енисея со сравнительно умеренным прибрежным климатом) небольшое стадо таежной породы, которое оказалась совершенно неприспособленным к суровому континентальному климату зимнего периода на центральном Таймыре в зоне лесотундры, недалеко от открытой тундры. В результате большая часть оленей погибла, а оставшая ушла вместе с диким оленем (ПМА, 1999). Характерно, что для сохранения остатков домашнего оленя от массированного осеннего прохода дикого оленя местные жители пытались строить деревянные изгороди. В зоне лесотундры, где это происходило, такое предприятие было совершенно бессмысленным. Ни в одной из известных в России локально-этнических оленеводческих культур в тундровой зоне изгороди не применяются. Однако их настоятельно советовали внедрять местные научные работники сельского хозяйства⁶.

В настоящее время поколение бывших оленеводов уже относится к пожилым людям, постепенно уходящим из жизни, но по возрасту еще способным передать свой профессиональный опыт. «Так случилось, видимо, по воле Оленьего бога: старые, опытные оленеводы умерли со своими стадами», – говорят нынешние старики (ПМА, 1999). Через несколько лет на центральном Таймыре не останется людей, знающих сезонные пастбища домашних оленей, и с возрождением оленеводства возникнут гораздо большие проблемы, нежели они существуют теперь.

Причины деградации оленеводства в центральных тундрах Таймыра представляются результатом неправильной хозяйственной и национальной политики. В первую очередь, это касается запрета на сезонный промысел дикого оленя на плаву, которым традиционно занималось все население региона. Такой запрет действовал с 1930-х по 1969 г.⁷ Основой традиционного природопользования на Таймыре была и остается охота на дикого оленя, при которой оленеводство имело транспортное назначение. Опасность ухода домашних оленей со стадами дикого компенсировалась охотой на дикого оленя, при которой стада дикого отслеживались так, чтобы домашние олени с людьми мигрировали позади диких. Исходя из этого, строились сезонные передвижения кочевников⁸. Отказ от охоты на дикого оленя и переключение усилий населения, занятого в государственных хозяйствах, на мясо-шкурное оленеводство вызвало переквалификацию охотников в оленеводов и, соответственно, потерю ориентации в отношении дикого оленя. Нельзя сказать, что добыча дикого оленя в те годы была полностью прекращена, – из его промысла не стали устраивать товарную отрасль, и он также перестал служить основой жизнеобеспечения. Таким образом, от невнимания к себе дикий олень превратился в стихийное бедствие, – большая

часть домашних оленей ушла вместе с ним. На этот общий стратегический промах на- слоились еще два обычных в оленеводстве фактора – эпизоотия в виде чесотки и волки, которые не только уничтожают, но и разгоняют оленей. Для оленьих стад, уже сильно сократившихся от болезни, волки оказались последним сокрушительным ударом (ПМА, 1999).

Неправильность национальной политики 1960-х гг. (вторая трансформация) на центральном Таймыре обнаруживается теперь. Возникновение поселков и перевод кочевников на оседлое существование связаны с общегосударственной политикой укрупнения системы хозяйств в 1960-е гг. Совхозы, образованные на центральном Таймыре путем слияния мелких национальных колхозов, получились смешанными, из двух доминирующих в этих местах этнических общностей – долган и нганасан, которые при долгом, более чем вековом соседстве существовали изолированно. (Ареал летних стойбищ долган в начале XX в. совпадал с ареалом зимних стойбищ нганасан⁹). Браки между теми и другими в традиционной среде не приветствовались и были редкостью. При общей традиционной системе природопользования эти два народа имели разное происхождение и соответственно различные модели поведения, различные системы культурных ценностей и приоритетов. Однако это не мешало им в целом жить мирно и даже устраивать совместную охоту на дикого оленя с сетями, а осенью посылки дикого оленя на плаву¹⁰. Два поселка, выросшие в годы политики укрупнения (Усть-Авам и Волочанка), где соотношение долган и нганасан примерно равное, но заселение происходило не одновременно (сначала первые, потом вторые)¹¹, считаются сейчас постоянными очагами межэтнических конфликтов. Такие конфликты, впрочем, обычно случаются при злоупотреблении алкоголем. На примере заселения поселков обнаружились определенные различия в менталитете нганасан и долган. Эти различия показали, насколько по-разному могут реагировать на те или иные проявления национальной политики малые народы, живущие по соседству и имеющие общие способы жизнеобеспечения. Долганы оказались более лояльными к государственным постановлениям. Поэтому они стали первыми заселять поселки, в то время как нганасаны переходили к оседлости неохотно и до последней возможности старались остаться кочевниками. Поэтому в поселках они вынуждены были принять те модели поведения, которые были там уже установлены долганами. Такая перемена образа жизни многими из нганасан воспринималась как ущемление их природного качества, и этому ущемлению они реально не могли сопротивляться (ПМА 1999).

Другим важным фактором оказалась система интернатного школьного образования. В таймырских интернатах дети также оказывались в этнически смешанной среде и в приказном порядке переходили на русский язык, забывая свой собственный, а русским языком в

то время (1960-е гг.) еще плохо владело поколение их родителей. Поэтому передача навыков жизнеобеспечения была не только осложнена интернатским образованием, но и столкнулась с определенным языковым барьером. Если сопоставить карты постепенного исчезновения оленеводства на Центральном Таймыре, сделанные К.Б. Клоковым и Шустровым¹², с расселением местных малых народов, то начальный провал в оленеводстве и зона смешанного расселения долган и нганасан совпадут. Такое совпадение представляется неслучайным.

В отношении оленеводов-частников на центральном Таймыре в 1970-е годы показателен пример пожилого нганасана из пос. Усть-Авам, Юрия Кинтовича Турдагина. Его соседи отзывались о нем как о знающем и опытном оленеведе. Он имел приличное стадо, около 700 оленей. Тем не менее, тогда же, в 1970-е гг. он его потерял из-за набегов дикого оленя, волков и эпизоотии (МА99). Первой и главной причины можно было избежать коллективными усилиями большой семьи или сотрудничества нескольких таких же частников. Однако в те годы его дети еще были очень малы, а традиционная система родственной или соседской взаимопомощи в этих местах была уже разрушена, и большинство его соседей предпочитало менее обеспеченное, но более надежное и легкое существование внутри государственного хозяйства.

Описанный выше разрыв в оленеводстве, возникший в 1970-е гг., во времена перестройки стал постепенно разрастаться к востоку, но за пределы Таймыра еще не вышел. При этом на восточном Таймыре неожиданно проявились некоторые черты современной жизни, которые скорее свидетельствуют о слабеющей позиции оленеводства. В 2001 г. комиссия окружного департамента образования попыталась устроить в Хатангском районе кочевую школу. Это сделать не удалось, поскольку при предварительном опросе кочевого населения обнаружилось нежелание родителей-олeneводоов содержать своих детей, – большинство из них высказалось за ставший «традиционным» интернат (ПМА, 2001).

Итак, в современной ситуации с оленеводством на п-ове Таймыр чрезвычайно ярко проявились последствия от следующих факторов: преобладание охоты над оленеводством и увод диким оленем домашнего (локальная черта Таймырского региона), как результат государственной экономической и национальной политики – смешение двух обособленных этнических групп; при интернатном образовании – языковой барьер со старшим поколением.

Яркий пример оленеводства, испытывавшего в системе ведения хозяйства обе вышеупомянутые трансформации советского периода, находим у чукчей и коряков. Характерная особенность Чукотки и Камчатки заключается в преобладании горного рельефа, при котором олени пастбища оказываются более сконцентрированными, нежели в других циркум-

полярных регионах, и к тому же собраны на сравнительно небольших пространствах, главным образом, в долинах рек. Существование крупных стад на такой местности возможно только при постоянном движении. Поэтому кочевое хозяйство на Чукотке и Камчатке традиционно представляло две достаточно автономные структуры. С одной стороны, это громоздкое жилище, более соответствующее полуоседлому образу жизни, нежели кочевому, где постоянными обитателями были женщины, дети и старики. С другой стороны – оленье стадо и существующая при нем смена пастухов-мужчин. Летом пастухи охраняют стадо и передвигаются вместе с ним пешком, к тому же выпас чукотской и корякской породы оленей (так называемый «харгин») традиционно происходил без оленегонной собаки. Поэтому минимальное имущество, которое могли себе позволить пастухи, летом переносилось на руках. Пастухи находились при стаде несколько дней и потом сменялись другими мужчинами стойбища. Такая система выпаса оленей и кочевания была не только более сложной, но и более трудоемкой, нежели в других циркумполярных регионах.

Еще одна причина отдельного существования кочевого хозяйства и стада с пастухами обнаруживается в особенностях породы чукотского оленя. Из всех domesticiрованных пород северного оленя чукотские и корякские олени наиболее дикие, поэтому их использование в качестве транспорта сопряжено с массой сложностей. Главная из них – вылов ездовых оленей из стада при составлении санного поезда. Эта операция чрезвычайно удлиняла и усложняла любое транспортное предприятие, поэтому транспортных оленей предпочитали держать отдельным небольшим стадом, рядом с жилищем¹³. Одной из кардинальных перемен советского периода в государственных оленеводческих хозяйствах Чукотки и Камчатки представляется сокращение сезонных маршрутов в связи с политикой землеустройства и более рациональным территориальным размещением с точки зрения стационарного центра управления государственных оленеводческих хозяйств¹⁴. В этом отношении Чукотка и Камчатка выступили своеобразными полигонами различных сельскохозяйственных идей. Было замечено, что длинные маршруты плохо сказываются на упитанности оленя, поэтому их решили сокращать. Такое сокращение оказалось возможным благодаря горному ландшафту Чукотки и Камчатки, поскольку горы могли заменять летние прибрежные пастбища. (При этом порода чукотского оленя в советское время подверглась целенаправленной селекции как мясная. Например, уничтожались наиболее быстрые животные, которые отделялись от стада и уходили вперед¹⁵).

В традиционном природопользовании оленеводческих народов, населяющих арктическую зону России, переход от меридиональных маршрутов к локально-круговым был обычно вызван бедностью тех или иных оленеводческих семей, которые, сохраняя своих домашних оленей, кормились, в основном, от морского зверобойного и пушного промыс-

ла, существуя круглый год на северном побережье – как чукчи¹⁶, так и ненцы¹⁷. На Гыданском полуострове (ненцы) переход к круговому маршруту происходил осенью во время общей перекочевки на юг. Часть семейств, проделав вместе со всеми небольшой отрезок пути, резко поворачивала обратно на север. Делалось это для того, чтобы оторваться от волчьих стай, преследовавших домашних оленей¹⁸, что также не свидетельствует об имущественном достатке оленеводов. Сокращение же меридиональных маршрутов в горах Чукотки практиковалось богатыми оленеводами, которые избегали встреч со своими бедными соседями на побережье, чтобы не смешивать оленьи стада¹⁹. (Интересно, что в ненецком ареале оленеводства наиболее крупные табунщики предпочитали летовать также в глубине полуостровов Ямала и Гыдана, не выходя на побережье, или же на Полярном Урале²⁰, хотя это не меняло общей меридиональной направленности сезонных маршрутов кочевания.) И в том, и в другом случае такое сокращение маршрутов считалось вынужденным, поскольку зима на арктическом побережье тяжела не только для людей, но и для оленей, а чукотские горные пастбища летом были хуже, чем прибрежные²¹. Тем не менее, в советское и постсоветское время практика круговых маршрутов распространилась и на Якутию, например, в Анабарском районе, хотя местные оленеводы уже не занимались подсобным морзверобойным промыслом (ПМА, 2002). Это касалось также заселения в советское время арктических островов, таких как Вайгач (Европейская часть), Бегичева (Якутия), Врангеля и Айон (Чукотка). Судьба людей и домашних оленей на этих островах различна. Острова Вайгач и Айон традиционно посещались оленеводами летом, зимой же на них жили только промысловики. В советское время на Вайгаче домашние олени стали выпасаться круглый год, в то время как совхозная база последние десятилетия базируется на материке в пос. Коротаиха. В результате возникновения характерных для постсоветского периода транспортных проблем жители острова и стадо оказались предоставлены сами себе, и число домашних оленей за последние годы катастрофически сократилось (ПМА, 2000). На островах Бегичева и Врангеля олени чукотской породы прижились, но на Врангеля не удалось сохранить приемлемые условия для человеческой жизни, и домашние олени одичали. На Бегичева живут только оленеводы, но автору не удалось туда попасть, поскольку вертолет обычно туда летает четыре раза в год, и что там происходит, неизвестно. Самым близким к побережью оказался Айон, поэтому там не возникло специфического островного изолированного хозяйства. Это один из островов, где домашние олени лишь проводят лето, хотя на нем находится базовый центр местного хозяйства.

Интересно, что у диких оленей существуют подобные исключения из правила меридиональных сезонных миграций. В некоторых случаях в них доминирует человеческий фактор (как например на севере Ямала и Гыдана, где промысел дикого оленя и обилие

оленоводов привели к катастрофическому сокращению популяции и ее изоляции, в других случаях человеческий фактор оказывается в ряду других причин зимовки диких оленей в Арктике: на Таймыре это проявляется эпизодически²², а на Новосибирские острова дикие олени приходили летовать еще в начале XX в., в середине же столетия обнаружилось, что олени на островах живут круглый год, и их миграции на материк прекратились²³.

Заселение арктических островов началось задолго до установления советской власти. В этой истории удачным примером сложившегося островного хозяйства служит, пожалуй, лишь Колгуев в европейском ареале России, где домашний олень прекрасно обжился, благодаря особенностям местного островного климата и отсутствию хищников.

Судьба оленеводов на арктических островах трансформируется естественным образом: они перестают быть кочевниками (кочевать некуда), олень быстро дичает, поскольку пасти его незачем, и наиболее приемлемым способом добычи бывшего домашнего оленя становится его отстрел, который надо проводить регулярно, чтобы сохранить пастбища²⁴.

В результате перехода от меридианальных маршрутов к круговым оказалась возможной постройка стационарных баз. Таким способом решилась "проблема кочевников" – они становились оседлыми (или полуоседлыми) обитателями новых населенных точек. В 1966-1970 гг. на Чукотке было построено 14 промежуточных баз и 48 домов на маршрутах оленеводов²⁵. На Камчатке и на Чукотке в советское время возникло новое понятие – «оленоводческий поселок». При этом в конце 1950-х гг. у пастухов появился механический транспорт (сначала вездеход и потом мотонарты), который перевозил их жилье и имущество, а также зимой служил пастухам для окарауливания стада²⁶. Таким образом, в этих регионах шло постепенное упразднение оленя как транспортного средства. Благодаря этим переменам оленеводство как отрасль сельского хозяйства изменило традиционную половозрастную структуру. Одной из основных ее черт оказалась сильная диспропорция по полам, – оленеводство стало преимущественно мужским занятием, и большинство молодых оленеводов остается холостяками²⁷. К этому были предпосылки в традиционной культуре, поскольку пастухи существовали своеобразными «вахтами» отдельно от своего жилища. При этом все равно остался тяжелый физический труд летом, более тяжелый, нежели в других оленеводческих регионах Крайнего Севера (пешее окарауливание) – еще одна из причин уменьшения притока молодых поколений в оленеводство: интернат не может воспитать соответствующих навыков физической силы и выносливости. Поколение родителей-пастухов теперь уходит из оленеводства уже просто по возрасту: нынешняя форма ведения хозяйства сейчас стала чуть ли не более трудоемкой, нежели традиционная (начала XX в.), поскольку содержать механический транспорт в современных условиях становится слишком дорого. Проблема кадров в оленеводстве (при возрастании оленепоголовья)

впервые обострилась на рубеже 1970-х гг.²⁸ Если сопоставить эти данные с вышеописанной ситуацией на Таймыре в 1970-е гг., то совпадение опять-таки представляется неслучайным.

Указ президента №323 от 27.12.1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» гласил: «колхозы и совхозы обязаны в 1992 г. провести реорганизацию и привести свой статус в соответствии с законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и перерегистрироваться в соответственных органах. Местным органам исполнительной власти обеспечить контроль за реализацией права членов колхозов и работников государственных предприятий на беспрепятственный выход из них для создания крестьянских (фермерских) хозяйств» (п.3).

Ниже приводятся некоторые цифры по оленеводческим хозяйствам Чукотки, иллюстрирующие определенные итоги этого процесса. В Билибинском р-не совхоз «Вперед» имел за 1976, 1980, 1985 гг. среднее поголовье в 19110 голов, а на 01.01.1998 г. от него осталось всего одно фермерское хозяйство «Мыргон» с поголовьем в 759 голов (4% от бывшего совхозного оленепоголовья на период распада). В совхозе «Омолон» в 1985 г. (до перестройки) имелось 32900 голов оленей. На 01.01.1998 г. после распада совхоза в ТОО «Омолон» осталось 4411 голов, а в четырех фермерских хозяйствах, получивших совхозных оленей – 4741 (всего 9152 головы, 27,8%). В Анадырском р-не совхоз им. XXII съезда КПСС, имевший в 1985 г. 26786 голов, полностью распался на отдельные фермерские хозяйства и на 01.01.1998 г. поголовье оленей составляет в двух оставшихся хозяйствах 1670 голов (6,2%). Бывший совхоз «Канчаланский», имевший в 1985 г. 32122 оленя, распался на три фермерских хозяйства и КСП «Канчаланский». Через 10 лет фермерские хозяйства обладали поголовьем в 1730 оленей, а КСП «Канчаланский» – 7780 голов (соответственно 6% и 24%)²⁹.

Из этих цифр видно, что при общей катастрофической деградации оленеводства фермерские хозяйства (самые мелкие, семейные объединения) не в состоянии содержать крупные стада оленей. Это доказывает, что традиционное оленеводство в циркумполярной зоне России везде (см. выше) имело мощную систему коллективной взаимопомощи, которая была разрушена государственным вмешательством советского периода. Можно утверждать, что система взаимопомощи (неважно, на родственной или на соседской основе) была основой общественного строя всех оленеводческих народов. Уничтожение общественного строя началось с раскулачивания крупных оленеводческих хозяйств. Такие хозяйства были своеобразным резервом существования мелких хозяйств, – с одной стороны, они могли принимать к себе на работу малоимущие семьи в качестве пастухов и помощников при стойбище, с другой стороны, (у ненцев) давать займы своих оленей на выпас и

транспортное обучение. Уничтожение крупных табунщиков вело к кардинальной ломке оленеводческой культуры, поскольку они были своеобразным эталоном ведения хозяйства и соответственно воплощенных в этой культуре представлений о благополучии. Здесь уместно вспомнить замечание В.П. Евладова о том, что если безоленный ненец имеет богатых родственников, то он бедняком себя не считает³⁰.

Одним из естественных способов ассимиляции традиционного этнического общества государством оказывается перенос функций этого общества (системы обычного права и экономики) на привнесенные государственные структуры. В нашем случае ими были коллективные, а потом советские хозяйства.

Надо учесть, что советская политика была отнюдь не везде одинаково разрушительна для локальных оленеводческих сообществ. Разница в проведении политики, вероятно, была основана на конкретных административных фигурах, а они, в свою очередь, разделялись на местных и командированных. Первые неплохо ориентировались в окружающей жизни и имели прочные связи с вверенным им населением, в то время как вторые, особенно на дальней периферии – Таймыр, Якутия, Чукотка, Камчатка, были скорее отправленными в своеобразную «ссылку» за различные серьезные провинности. Они не разбирались в устройстве местных общественных и экономических взаимосвязей, и поэтому жестко проводили государственную политику, не будучи также заинтересованными в укоренении на этой земле. Это одна из причин сохранения крупнотабунного специализированного оленеводства у ненцев (западный ареал российской Арктики, близкий к Центру) и разрушения подобной системы хозяйства у коряков и чукчей (крайний восток российской Арктики, наибольшая периферия).

Однако под влиянием Указа президента №323 отнюдь не все совхозы на территории Чукотки пошли на реорганизацию, хотя катастрофическое снижение оленепоголовья присутствует и тут. Так, например, совхоз «Путь к коммунизму» в 1985 г. имел 22670 оленей. Через десять лет это поголовье снизилось до 12104 голов, то есть почти вдвое, а на 01.01.1998 г. у него оставались 5554 оленя (24,5% от 1985 г.). У совхоза «Анадырский» в 1985 г. было 15159 голов, а через десять лет их оставалось уже 3943 (26%)³¹. По данным 1995 г., до 6 тыс. оленей сократилось некогда 25-тысячное стадо Лоринского хозяйства³².

Разрушение инфраструктуры в постсоветском экономическом кризисе на Чукотке началось с закрытия промежуточных баз (так же как на Таймыре – охотничьих точек), нынешнее государство было не в состоянии заниматься их обеспечением. Особенно серьезно эта проблема выявилась на Камчатке – там многие оленеводческие хозяйства летом уходили в горы, а не отправлялись на побережье³³. Вероятно, это было вызвано скалистой береговой линией, неудобной для спуска к морю, характерной чертой ландшафта северной

Камчатки. Поэтому «олeneводческие» поселки существовали в глубине полуострова, где другие виды деятельности, кроме оленеводства, были нерентабельны. По мнению этнографа Елены Миськовой, на Чукотке подобная ситуация ярко проявилась в пос. Омолон, построенном на месте промежуточной базы и потом ставшим центром крупного орденосного совхоза. После гибели совхоза и прекращения регулярной транспортной связи по воздуху (единственно возможной), поселок стал зоной бедствия. Два других подобных поселка – Канчалан и Усть-Белая, где еще сохранились бывшие совхозные структуры, продолжают существовать благодаря реке Анадырь, на которой они стоят: связь по воде сохраняет жизнь в этих поселках. В постсоветский период у промежуточных баз и оленеводческих поселков сложились разные судьбы. Промежуточная база – это просто стационарное жилище с хозяйственными постройками. Поэтому промежуточную базу несложно как закрыть, так и открыть, обжить или забросить – так же как и охотничью точку на центральном Таймыре. А для закрытия поселка требуются мощные капиталовложения (вывоз людей и их имущества, приобретение для них нового жилья), а также решение сложных социальных проблем (трудоустройства). Закрытие поселков на Севере касалось либо общегосударственных проблем (как на Чукотке в погранзоне в годы обострения «холодной войны»), либо нерентабельной добычи полезных ископаемых (постсоветские годы на Чукотке, в Якутии и Магаданской области), которые относились к одному из самых прибыльных в стране департаментов. Региональные сельхозуправления, к которым так или иначе относились «олeneводческие поселки» – структуры бедные, и на подобные затраты вряд ли способны пойти в ближайшем будущем. Поэтому многие «олeneводческие поселки» можно обозначить как зоны длительного и пока реально неразрешимого социального и экономического бедствия.

Вторая перемена в оленеводстве Чукотки и Камчатки также касается проблем снабжения – топлива и запчастей для пастушеских вездеходов. Это вызвало немалый отток населения из оленеводства – способ существования пастухов стал очень трудоемким (ПМА, 2001). В результате по уровню обеспечения нынешние оленеводческие хозяйства Чукотки и Камчатки могут теперь соотноситься с традиционными хозяйственными объединениями оленеводов с той разницей, что последние представляли кочевавшие группы семей, а нынешние пастухи оторваны от своих семей, живущих в национальных поселках.

При этом следует учесть, что при возвращении современных оленеводов к семейному кочеванию большая часть забот касается женского труда, связанного с содержанием жилища. Эти навыки и опыт были утрачены большинством женщин среднего поколения, живущих в поселках и никогда не знавших кочевой жизни. Поэтому такое возвращение, будучи весьма болезненным, происходит в достаточно редких, экстраординарных случаях.

Отток женщин из оленеводства, хотя в более мягкой форме, нежели на Чукотке, характерен и для якутских долган, хотя образ жизни местных оленеводов не назовешь "вахтовым". Тут, конечно, не обошлось без национальных поселков, где в свое время было широко развернуто жилищное строительство, и много женщин перешло на оседлое существование благодаря своим учащимся детям – своеобразная альтернатива интернату (ПМА, 2002).

Однако именно в истории Чукотки и Камчатки время от времени под влиянием климатических перемен, от которых зависела продуктивность морзверобойного промысла или же оленеводства, население перетекало из внутренних тундр на побережье или обратно, меняя кочевой образ жизни на оседлый и переходя с оседлого на кочевой. Как правило, эти два вида хозяйственной деятельности находились в противофазе по климатическим условиям: при общем похолодании страдал морзверобойный промысел, но становилось продуктивным оленеводство – и наоборот³⁴. Последняя такая климатическая перемена произошла на рубеже XIX-XX вв., когда немало морзверобоев стало оленеводами³⁵. Сейчас этот естественный механизм оказался разрушен по той же самой причине, что и прочие механизмы существования традиционной культуры, из-за включения при советизации более мощных – государственных – структур, взявших на себя ответственность за функции жизнеобеспечения (см. выше о взаимопомощи).

Третья проблема, касающаяся разрушения советской инфраструктуры на Камчатке и Чукотке, связана с вывозом продукции оленеводческих хозяйств: стоимость транспорта сделала оленеводство малорентабельным³⁶, а для мелких фермерских хозяйств проблема реализации продуктов оленеводства оказалась просто неподъемной, и это одна из причин падения поголовья оленей. То есть использовать оленя в мелких фермерских хозяйствах, ориентированных на оленеводство, можно лишь самым невыгодным (малорентабельным) образом, который неизбежно случается при возвращении к натуральному хозяйству. Перед началом коллективизации малооленные хозяйства практически везде существовали за счет пушного промысла, был отлажен рынок сбыта. Сейчас пушного рынка нет.

Опять-таки, в наше время проблема выживаемости оленеводческих хозяйств касается больше не величины оленепоголовья, а близости рынка сбыта. Так, например, чукотское фермерское хозяйство "Нутендли", числом менее 30 человек, обитающее на северо-востоке Якутии, за 10 лет своего существования увеличило поголовье оленей с 200 до полутора тысяч. Один из важных факторов его процветания – существование прямо под боком рынка сбыта – в 70 км от основной базы, на которой, кстати, фермеры-оленеводы устроили для своих детей школу, – город Черский. Сейчас это хозяйство занимается племенным разведением оленя и его продаж. В то же время, по словам моей коллеги, Елены

Миськовой, многие оленеводческие хозяйства Билибинского р-на Чукотского АО (недалеко от упомянутого “Нутендли”, но через административную границу, которая сильно усложняет заключение хозяйственных договоров) можно обозначить как бедствующие, поскольку их руководство находится вне досягаемости (например, в Анадыре – через всю Чукотку), и они существуют сами по себе, такими “робинзонами”, не имея для этого никаких прав и возможностей.

Падение поголовья домашнего оленя в постсоветский период на Чукотке привело еще к одному неожиданному последствию, к которому чукотские оленеводы совершенно не были готовы: на Чукотке вновь появился дикий олень. Перед этим дикий олень был вытеснен домашним с Чукотки еще в середине XIX в. Причина такого вытеснения – различный способ питания обоих видов, имеющий отнюдь не биологические причины, а обусловленные спецификой оленеводческой культуры. Дикий олень легок и мобилен в передвижении. Поэтому он пасется «на ходу», срывая вершки самой сочной и питательной растительности. Домашний олень, направляемый человеком, лишен такой подвижности. Поэтому он пасется, интенсивно «проедая» пастбище, и после него дикому оленю на этом пастбище питаться нечем.

В качестве яркой иллюстрации столь кардинального различия служит попытка разведения домашнего оленя на Новой Земле в 1930-е гг. На этих островах живет немало диких оленей, но домашние олени там не прижились, поскольку в зоне арктической пустыни олений корм растет чрезвычайно слабо и разреженно. Это достаточно для дикого оленя, но для домашнего, сдерживаемого пастухом, оказалось невозможно.

Среди чукотских оленеводов было подозрение, что к ним пришел таймырский олень (ПМА, 2001). Однако это, скорее всего, был дикий олень из Якутии. По сведениям, полученным от анабарских оленеводов, зона обитания дикого оленя на северо-западе Якутии начинается с правобережья Анабара (восточный берег). Таким образом, таймырская и якутская популяции дикого оленя оказываются разделены в настоящее время достаточно широкой полосой тундры (ПМА, 2002). Насколько известно автору, в Якутии не было таких крупных хозяйственных структур по отстрелу дикого оленя, как госпромхоз «Таймырский», притом что, как и на Таймыре, дикий олень на севере Якутии в начале XX в. традиционно представлял собой основу местного жизнеобеспечения, а оленеводство играло транспортную роль. Теперь же, на восток от Анабара многие оленеводы становятся охотниками на дикого оленя по той простой причине, что это занятие более выгодно³⁷. Поэтому когда с начала реформ на Чукотке стали освобождаться пастбища, заполненные раньше крупными стадами домашнего оленя, туда пришел дикий якутский олень. При этом чукотское оленеводство ни в традиционном виде, который представлен началом XX

в., ни в советском варианте не знало этой проблемы, и оказалось перед ней совершенно беспомощным. С диким оленем стали уходить большие «отколы» домашнего.

Другая версия появления дикого оленя гласит, что это местные чукотские олени, одичавшие в результате развала хозяйств. Впрочем, чукотские оленеводы говорят, что у этого дикого оленя окрас шерсти другой, нежели у домашнего, и главное, у него совсем иная скорость бега (ПМА, 2001) (см. выше о чукотской селекции). Однако скорость бега представляется больше поведенческой особенностью, а отнюдь не физиологическим признаком, различающим на Чукотке домашнего и дикого оленя. Иначе домашние олени не терялись бы безвозвратно при уводе их дикими. Жалобы на появление дикого оленя на Камчатке отмечены и в полевых материалах Е.П. Батьяновой (интервью 1999 г.). В отличие от ровной тундры ненецкого ареала, в Камчатских горах при мощном вытеснении домашнего оленеводства и даже целенаправленном уничтожении дикого оленя переселенцами-ламутами, которые пытались таким образом сократить сложности выпасания собственных стад, дикий олень сохранился³⁸ и стал бедствием при постсоветском развале оленеводческих хозяйств.

Проблема дикого оленя на Чукотке требует выработки особой стратегии, которая должна на какой-то срок кардинально изменить систему местного природопользования и, в частности, оленеводства, иначе возможно повторение истории с центральным Таймыром. Основа этой стратегии должна касаться организации промышленной охоты на дикого оленя и при этом не за счет оленеводства. На Камчатке эта проблема решается гораздо труднее, поскольку здесь более крутые горы, и без воздушного транспорта не обойтись. Использование же вертолетов делает промысел дикого оленя малорентабельным³⁹.

Таким образом, современная ситуация с оленеводством на Чукотке и Камчатке ярким образом представляет разнообразные последствия постсоветского экономического кризиса, при котором оказалась разрушена сама система ведения оленеводческого хозяйства, выстроенная на индустриальных позициях, с механизацией и стационарными нововведениями в виде промежуточных баз, оленеводческих поселков, вакцинацией оленей и отстрела волков на бюджетные средства. Общей проблемой тут оказывается сбыт продукции оленеводческих хозяйств и, соответственно, их снабжение в жестких условиях рыночной экономики. К этим последствиям добавляется непопулярность оленеводства в качестве сельскохозяйственной отрасли (как очень трудоемкой и чуждой оседлому образу жизни), воспитанная в интернатах еще в советские годы. Свидетельством разрушения чукотского оленеводства как области традиционной культуры представляются факты прихода в оленеводство в качестве пастухов неместного неквалифицированного населения – в

советское время это были освободившиеся из лагерей заключенные⁴⁰, в постсоветскую эпоху – демобилизованные солдаты⁴¹. На все эти неблагоприятные реалии местного существования на Чукотке накладывается фактор дикого оленя, тот же самый, что в итоге уничтожил оленеводство на центральном Таймыре и постепенно вытесняет его на восточной части полуострова.

Фактор дикого оленя ярко проявился на Таймыре еще в советское время, на Чукотке он возник в постсоветский период, проявляя себя столь же разрушительно по отношению к местному оленеводству. При этом не надо забывать, что еще в советское время этот фактор от Гыдана до Чукотки играл большую роль в хозяйственных отчетах. Это была универсальная статья расходов, и она действовала даже там, где дикого оленя не было⁴². Однако этнографические источники ни разу не упоминали проблемы дикого оленя в традиционных культурах оленеводов, хотя фактор дикого оленя присутствовал везде (но в разное время и в разной степени). Вероятно, это оказалось связано с тем, что была разрушена автономность большинства этнических и локальных проявлений оленеводческой культуры, следствием чего явилась потеря некоторых внутренних защитных механизмов в этих оленеводческих общностях. В устной истории всех оленеводческих народов сохранился период их жизни с малым количеством оленей. Необходимость собственными силами сделать из малого стада большое можно назвать одним из главных принципов существования любой оленеводческой культуры, который позволяет ей сохранять внутреннюю автономию. При такой автономии традиционная культура имела внутренние ресурсы для самовоспроизводства.

В ныне известной истории аборигенных народов Севера России переход от охоты на дикого оленя к оленеводству зафиксирован во всех случаях традиционной культуры, где оленеводство встречается. С другой стороны, возврат от оленеводства к охоте на дикого оленя оказывается характерным для советского и постсоветского периодов. Такой возврат случился там, где в исторической памяти той или иной традиционной культуры сохранился приоритет охоты над оленеводством, то есть оленеводство имело сравнительно недавнее происхождение (в его крупнотабунном виде). Здесь уместно вспомнить взаимоотношения соседей – народов Севера с различно ориентированными традиционными культурами – охотничьими и оленеводческими. Ярким примером служит сохранившееся по сей день отношение нганасан к ненцам. Нганасаны не любят ненцев и считают их чужим, пришлым на Таймыр народом, захватчиками, покушавшимися на их территорию, но так и не захватившими ее. При этом в нганасанской традиционной культуре существовало немало заимствований (попавших к нганасанам, по большей части, видимо через энцев, которые традиционно были брачными партнерами тех и других) прежде всего в оленеводст-

ве и, соответственно, в транспорте. Нганасанский героический эпос сохранил многие заимствования от ненцев – имена многих героев ненецкие. Тем не менее, у нганасан гораздо более ровные добрососедские отношения со своими соседями – долганами, которые, будучи такими же охотниками на дикого оленя, в свое время вытеснили нганасан на север Таймыра (что прослеживается по топонимике таймырского юго-востока), и от которых нганасаны не взяли ничего существенного для своей традиционной культуры.

Интересно сопоставить с упомянутым возвратом к охоте также кардинальные перемены в духовной культуре у нганасан, произошедшие в советский период. Так, в связи с антирелигиозной государственной политикой, которая выражалась на Севере в открытом преследовании шаманов, в ритуальной жизни нганасан стали проявляться весьма архаичные верования.

Подобная ситуация с оленеводством, по словам проф. Хью Бича, случилась среди эскимосов Аляски, которые стали оленеводами в XX веке, но просуществовали в этом качестве недолго. Начавшиеся неудачи на этом поприще сделали оленеводство в их среде непопулярным, и они вернулись к охоте как к собственно традиционному своему занятию. Их культура в это время, так же как и культура нганасан второй половины XX столетия, потеряла свою автономность и существовала под государственным экономическим патронажем.

Может ли фактор дикого оленя в определенных случаях быть индикатором жизнеспособности оленеводческой культуры циркумполярного Севера? С другой стороны, в какой степени нынешний фактор дикого оленя на территориях Таймыра, Якутии и Чукотки является следствием мощного антропогенного воздействия, каким оказалась в 1970-80-е гг. деятельность госпромхоза «Таймырский» (специализировавшегося на добыче диких оленей), по сравнению с традиционным обществом циркумполярных оленеводов-охотников? Эти вопросы остаются открытыми, поскольку их разрешение требует междисциплинарных исследований.

Не надо забывать, что, кроме Таймыра и Чукотки, в России существует еще некоторое количество циркумполярных оленеводческих регионов со своими проблемами, как общими, так и неповторимо локальными. Это Камчатка, чьих проблем удалось только коснуться, необъятная и разнообразная Якутия, а также обширный ненецкий Север, где представлены чуть ли не пять экономико-хозяйственных регионов в отношении традиционного жизнеобеспечения: Европейский Север, п-ов Ямал, Полярный Урал, Тазовский п-ов и Гыданский п-ов с левобережьем Енисея. Эта статья напоминает описание айсберга, начатое с некоторого отдаления. Сейчас количество вопросов, порождаемых материалом, пока превышает сам материал, и это означает необходимость дальнейшего продолжения исследо-

ваний.

¹ См., например: *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №112. М., 1998; *Йернслеттен Й.Л., Клоков В.Б.* Устойчивое оленеводство. СПб., 2002. Эти две работы претендуют на общий циркумполярный охват заявленных проблем, но в них немного конкретного материала, если же он есть, то он иллюстративного характера. Другие работы, посвященные осмыслению сложившейся ситуации, написаны на локальном материале Ямало-Ненецкого автономного округа (*Петрова В.П., Хариучи Г.П.* Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 2000; *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №112. М., 2001), Таймырского автономного округа (*Зайкер Дж., Шметтерлинг И.* Робинзоны и Пятницы, однако... // Эксперт №48 (116), 1997. С. 82-85; *Ziker, John P.* Survival Economy and Core-Periphery Dynamics in the Taimyr Autonomous Region, Russia. // Anthropology of Eastern Europe Review 17(2): Senri Ethnological Studies #59. Osaka: National Museum of Ethnology. 2001) и Чукотки (Природа и ресурсы Чукотки. Магадан, 1997; *Нувано В.Н.* Роль оленеводческой культуры в формировании этноэкологического ландшафта Чукотки в XX в. (рукопись)).

² Основой для написания статьи послужили собственные полевые материалы автора (далее - ПМА), собиравшиеся в ходе экспедиционных исследований в 1999 (в рамках проекта «Коренные малочисленные народы Севера России», рук. Л. Силланпяя), 2000 (участие в составе Морской Арктической комплексной экспедиции под рук. д.и.н. П.В. Боярского) и в 2001-2003 гг. (в ходе проекта «Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у аборигенных народов Севера РФ: административная политика, права и прикладные стратегии», рук. Х. Бич).

³ *Якушкин Г.Д. и др.* Эколого-популяционная характеристика и задачи дальнейшего изучения диких северных оленей Таймыра // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. С. 55.

⁴ *Сыроечковский Е.Е.* Проблема дикого северного оленя в СССР на современном этапе // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. С. 30.

⁵ *Попов А.А.* Нганасаны. Материальная культура. М., 1948. С. 20, 32; *Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Система жизнеобеспечения. М., 1992. С. 12-15.

⁶ За подъем таймырского оленеводства (сб. докладов). Дудинка, 1958. С. 21.

⁷ *Попов А.А.* Нганасаны ... С. 32.

⁸ *Симченко Ю.Б.* Нганасаны ... С. 20.

⁹ *Долгих Б.О.* Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. т.5. М., 1963. С. 92-95.

¹⁰ *Попов А.А.* Охота и рыболовство у долган // Сб. памяти В.Г. Богораза. М.-Л., 1937, С. 153, 166.

¹¹ *Кривоногов В.П.* Этнокультурные процессы у нганасан. // Этнографическое обозрение, 1999,

№1, С. 68.

¹² Клоков К.Б. и Шустров Д.Н. Традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство Таймыра. М., 1999. С. 66-67.

¹³ Мухачев А.Д. Путешествие в мир оленеводов. Новосибирск, 2001. С. 223.

¹⁴ Природа и ресурсы Чукотки (учебное пособие). Магадан, 1997. С. 171.

¹⁵ Мухачев А.Д. Путешествие... С. 222.

¹⁶ Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов. // Живая старина, вып. 1-2, СПб., 1910. С. 187.

¹⁷ Головнев А.В. Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце 19 – начале 20 вв. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 182-183.

¹⁸ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 79.

¹⁹ Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 15.

²⁰ Головнев А.В. Указ. соч. С. 75-76.

²¹ Богораз В.Г. Указ. соч. С. 15.

²² Якушкин Г.Д. и др. Эколого-популяционная характеристика ... С. 55.

²³ Кищинский А.А. Островные популяции северного оленя в восточном секторе Советской Арктики и пути их рациональной эксплуатации // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. С. 166.

²⁴ Там же. С. 164-168.

²⁵ Нувано В.Н. Роль оленеводческой культуры ...

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Евладов В.П. Путешествие на север Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992. С. 168.

³¹ Нувано В.Н. Указ соч.

³² Природа и ресурсы Чукотки, С. 173.

³³ Иохельсон В.И. Коряки. СПб., 1997. С. 35; Баскин Л.М. Сегодня кочевка. М., 1974; Билибин Н. Обмен у коряков. Л., 1934. С. 18.

³⁴ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 131-138.

³⁵ Богораз В.Г. Указ. соч. С. 9.

³⁶ Природа и ресурсы Чукотки, С. 174.

³⁷ Йернслеттен Й.Л., Клоков К.Б. Указ. соч. С. 48.

³⁸ Вершинин А.А. и др. Дикий северный олень на Камчатке // Дикий северный олень в СССР. М., 1975. С. 215-222.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Абрютин Ф.* Если бы бабушка вела дневник // Человек в истории. Россия XX век. М., 2001. С. 25.

⁴¹ *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России ... С. 10.

⁴² *Йернслеттен Й.Л., Клоков К.Б.* Указ. соч. С. 62-63.